

КИНОКОМЕДИЯ: ЧАС ПОЛЕМИКИ

Сегодня в нашем споре о кинокомедии мы предоставляем слово Жану Тати.

Замечательный французский актер-мим, своеобразный режиссер, Тати занимает в мире смеха особое, только ему принадлежащее место. Он связывает экцентрику старых «комических» лет с теми установками, которые возникли в современном западном кино в русле неореалистической эстетики. Объединяя в своем лице автора, режиссера и исполнителя главных ролей, Тати на протяжении многих лет, вопреки всем трудностям, наперекор коммерческим законам буржуазного кино, отстаивает свои творческие принципы.

Что же это за принципы? Что думает режиссер о судьбах современной кинокомедии?

«Бурлескные, эксцентрические фильмы, — полагает Жак Тати, — требуют спокойного времени. Сейчас все слишком напряженно, чтобы мы могли смеяться, наблюдая, как кто-то балансирует на крыше мчащегося автомобиля. И когда у меня перед носом разбивают целую гору тарелок, мне совсем не смешно. Машина, которая разваливается на ходу, тоже не кажется мне смешной».

Кино вступило в период, когда требуется жизненная правда, когда преобладает драма. Может быть, именно итальянский неореализм убил бурлеск... Я об этом не жалею. Это в порядке вещей. Лично я больше склонен к реализму, чем к бурлеску. Я люблю жизненные наблюдения, люблю, чтобы комедия превращалась в сатиру.

В нашей современной жизни не так-то много причин для веселья. Меня тревожит все, что ведет к упрямству человеческой личности, и это я хотел бы выразить в моих фильмах. Я не собираюсь провозглашать манифесты, — просто я испытываю интерес к людям, к их семейной жизни, детям, к тому, как они помогают друг другу, ко всякого рода маленьким жизненным проблемам, которые продолжают существовать в мире, становящемся все более планируемым и механизированным».

С комическим героем Жана Тати, симпатичным чудачком Юло, наши зрители имели возможность познакомиться в таких фильмах, как «Мой дядя», «Время развлечений», «Автодвижение» (последний был показан во время VII Международного кинофестиваля в Москве). Это необычный комический персонаж — персонаж, который сам ничего не предпринимает, ничего не подстраивает, никаких шуток и трюков не разыгрывает. Но стоит ему появиться — и, казалось бы, отлично налаженные механизмы буржуазного существования начинают давать сбой.

«С первых же шагов, — говорит Жак Тати, — я стремился сделать комический персонаж более правдивым. Существовала определенная школа комического фильма с персонажем, который появлялся с уже готовой этикеткой, гласящей: «Я веселый шутник и буду развлекать вас весь вечер. Я мастер на все руки — умею жонглировать, танцевать, разыгрывать комедию, я хороший мим и ловко придумываю трюки». Это была старая школа цирка и мюзик-холла, что, впрочем, одно и то же. Что же касается меня, то я старался доказать и показать, что забавны все. Не нужно быть выдающимся комедийным персонажем, чтобы попасть в смешную ситуацию... Можно упрекать Юло — вернее, меня — в том, что мы не заостряем комические эффекты. Но теперь, когда я уже встал на этот путь, стоит мне прибегнуть к чуть большому заострению, и мне перестанет верить. Мне бы хотелось, чтобы дядюшка Юло не походил на персонаж, явившийся из цирка, чтобы зрители видели в нем реального человека».

Весь облик Юло выражает скромность, застенчивость, нежелание кого-либо беспокоить. В этом плане Тати обыгрывает и свой высокий рост, и свою несколько громоздкую фигуру. Его движения на экране одновременно и неуловимы, и поразительно изящны, даже воздушны. Юло ходит подпрыгивающей походкой — с пятки на носок — и все время делает такое движение, как будто хочет посторониться. В своем нургузном плаще и круглой шляпе, с зонтиком в руке и неизменной трубой в зубах он выглядит, пожалуй, несколько заурядно. Но не будем доверять этой заурядности, о которой любит поговорить и сам Жак Тати. По сути своей, Юло — персонаж-метафора. Это — слон в посудной лавке, все время опасющийся, как бы чего не разбить. Это — добрый и деликатный Гулливер в стране вздорных и самоуверенных лилипутов.

Тати признает, что «зрителю приходится сделать известное усилие, чтобы войти в комический мир, созданный Юло. Но те, кто допускает такой род комизма, будут смотреть фильм два, три, четыре раза. И наоборот, я понимаю тех, кто уходит с половины фильма, говоря: «Не знаю, чего это

Жак ТАТИ

СМЕХ И СЛЕЗЫ ГОСПОДИНА ЮЛО

PARADE

люди веселятся!» Потому что для того, чтобы это почувствовать, надо внести немного наблюдений над самим собой».

В этом году на Московском кинофестивале последняя работа Жана Тати «Парад» была удостоена Золотого приза на конкурсе фильмов для детей. За эту же картину, несколько раньше, режиссер получил Большую премию французского кино.

«Мне очень приятно, — говорит режиссер, — что фильм нравится детям: это очень непосредственные, искренние зрители. Мне хотелось бы, чтобы этим качеством обладали все зрители, все люди. «Парад» — это в одно и то же время больше чем фильм и меньше чем фильм. Меньше — потому что в нем нет интриги, нет драматической конструкции. Больше — потому что он стремится сделать каждого зрителя участником зрелища, разбитое то невидимое стекло, которое отделяет экран от зрительного зала».

«Парад» организован как художественное целое прежде всего участием зрителей — тех, которые на экране, и тех, которые в зале кинотеатра. Не просто «обозрение» цирковых аттракционов, не просто «шоу», но совместная жизнь, коллективный праздник многих людей, сплотившихся, сдружившихся под гостеприимным куполом цирка, — вот что такое «Парад». И сам режиссер появляется то там, то здесь — он душа праздника, он увлекает за собой и актеров, и зрителей, готовый преобразиться в футбольного вратаря или боксера, теннисиста — или рыболова, или одновременно — во всадника и его лошадей... Для этого Жану Тати не нужны ни костюмы, ни грим, ни аксессуары. Несколькими легкими волшебными движениями он пробуждает нашу фантазию, и вот уже арена цирка превращается для нас в футбольное поле, или заросший кустами берег тихой реки, или теннисный корт, или улицу с оживленным движением...

В маленьких неотражено смелых пантомимах «Парада» поражает не только техническое мастерство Тати-актера, но и его наблюдательность, остроумие, богатство творческого воображения. Я говорю об этом Тати и вместе с искренним восхищением выражаю также сожаление по поводу того, что как актер-мим он до сих пор дал зрителям лишь небольшую часть того, что мог бы дать. Но Тати не принимает заулированного упрека,

«Как режиссеру, мне надо быть по другую сторону камеры. И знаете, я не очень люблю работу актера и, наоборот, очень люблю быть по другую сторону камеры. Может быть, это не-

скромно, но я считаю себя автором фильмов. Хороший я автор или плохой, не мне судить. Но у автора есть свои задачи. И прежде всего он должен обладать воображением».

Я не люблю демонстрировать самого себя. Я люблю других людей. Их-то я и хотел бы показать и защитить. Мне здесь посчастливилось познакомиться с детским кинотеатром с двумя женщинами — администратором и методистом. Они так любят детей и свою работу, что не согласятся поменять ее на другую, более щедро оплачиваемую. Они отдают себя целиком детям. Вот о них я хотел бы рассказать в моих фильмах. Все, что я делаю, я делаю с уважением к людям. Им я отдал все, что мог, и мне не в чем себя упрекнуть».

На экране я предпочитаю появляться общим силуэтом, в профиль или со спины. Такой мой стиль. Ведь у каждого художника есть свой стиль. Импрессионисты писали свои картины иначе, чем барбизонцы. Но без барбизонцев не было бы импрессионистов. Таково и мое отношение к старой комической школе. Я хочу, чтобы зритель был активен. Когда вы смотрите в лицо актера, вы сразу понимаете, какого человека он играет (конечно, если это хороший актер). Но господин Юло задуман как знак вопроса. Когда зритель видит его фигуру, смотрит на него со спины или издали, он спрашивает себя: что чувствует Юло? О чем он думает? Как живет? Вы мысленно ставите себя на место героя, его проблемы становятся вашими проблемами. И вернувшись домой, вы продолжаете думать о персонаже. Именно этого я и хочу добиться, хотя зритель-рутинеру это, возможно, и не понравится».

— Вне всякого сомнения, вы предложили новую формулу комического фильма. Есть ли у вас последователи?

Жак Тати колеблется. «В какой-то степени... Нескромно так говорить, но мне кажется, что мой опыт используется для того, чтобы сделать фильмы более живыми, более искренними. Я вижу это и в итальянском, и в английском, и даже в американском кино. Во французском — в меньшей степени...»

— Влияние каких режиссеров вы испытали на себе?

«Вы, вероятно, ожидаете, что я начну говорить о комедиографах... Но я назову «Загородную прогулку» Жана Ренуара. Этот фильм оказал на меня большое воздействие своей атмосферой, колоритом (хотя он черно-белый). Если говорить о знаменитых комиках, то Китон мне ближе, чем Чаплин. Он более человечен и правдив. Да, да, не удивляйтесь! Чаплин гениален, он сделал прекрасные фильмы, но Китон более человечен. Чаплин ставит в центр себя, всегда себя. Совсем не случайно, что Чаплин — миллионер, а Китон умер в бедности. Существует связь между характером художника и его творчеством, между его личной судьбой и его произведениями! Я не хочу богатства и не хочу двойных оценок: отдельно для художника, отдельно для человека. Человек раскрывается в том, что он делает. Это — закон искренности. Я за искренность, против лицемерия!»

Я спрашиваю Жана Тати, чувствует ли он себя хоть немного русским. В ответ он улыбается (вообще-то он улыбается редко).

«Да, конечно. Хотя это и может показаться странным. Мой дедушка, Татищев, умер молодым, я его фактически не знал, но говорят, что я на него похож. Воспитывала меня бабушка-француженка, с материнской стороны. В семье я не слышал русского языка, которого, к моему великому сожалению, я не знаю. И все-таки я чувствую связь с русской культурой. Я много читал русских авторов. И мне кажется, я ощущаю русский юмор».

В заключение беседы я спрашиваю, какие из своих фильмов Жак Тати предпочитает.

«На этот вопрос трудно ответить. Но я сохраняю привязанность к своим старым работам, таким, как «Праздничный день» и «Каникулы господина Юло». О «Каникулах» в свое время прекрасно написал Андре Базен, лучший из наших критиков. Он был больше чем критиком: он не критиковал, он... проникал! Мне кажется, мои фильмы хорошо стареют, — не то что я сам...»

И с грустной шутливостью он показывает на свои поредевшие седые волосы.

Уже распрощавшись с режиссером, я мысленно продолжаю разговор с ним. Нет, Жак Тати, седина в волосах — не всегда признак ушедшей молодости. Не говоря уже о том, что ваши пантомимы в «Параде» свидетельствуют о прекрасной спортивной форме и юношеском темпераменте, весь фильм пронизан энергией, игрой жизненных сил, молодых одушевлением. Достигнув с годами умудренности и трезвости взгляда, вы сохранили свежесть мировосприятия, любовь к людям и веру в высокое назначение комедии. Поэтому-то с нетерпением и верой в ваш талант зрители будут новых встреч с вашим человеком и праздничным искусством!

В. БОЖОВИЧ